

Борис Ильин

где постелено

книга стихотворений

Самопальное издание

г. Бруклин

2016

Ильин Борис. Сон. Книга стихотворений.

Борис Ильин живет в Нью-Йорке, родившись в 1974-м году. В 2016-м году Борис Ильин издал эту книгу, приложив к ее публикации собственные усилия и усилия жены. В книгу входят стихотворения написанные в 2014-15 гг. Книга посвящается жене.

посвящается Лизе

где постелено

—

я ожидал неинтересного
от времени течения пресного
бутылочное в пятнышках стекло
неинтересное текло

и было в том течении
как в подворотне облегчение
в темнотах жизнь и налегке
финал не виден вдалеке

и так неясное смакуя
не знал но верил что смогу я
избегнуть ясности
хоть не вообще так в частности

и оказалось я готов
на мысленную пустоту
зияющую густоту

здесь без понтов
я мысль гоню
задумываться времению

но все ясней
вот жизнь
вот время бьет огнем

так что же делать с ней
так как же выжить в нем

МОЛОДОСТЬ

позвольте и мне
и мне тоже
я могу
я все еще

мое чувство глубоко
мое мнение значит

но слабый голос
но мягкое рукопожатие
но мелкое дыхание

о выдающийся кадык молодости
о упорный лоб
о резкий запах одеколона

о молодость ты мир
прогнешь

под себя

лет через тридцать

схожу я
что ли

на лавочке посижу я

—
это я
кричит пустота

человек расплывется углами рта
а у него во рту

мыслей каша

улыбаясь
перед собой предстать

время есть
горячо глотать

значит выплюнуть в пустоту

НОЧЬЮ

в дальнем темном углу живого угла
на стыке невидимых стен и пола
есть легкий выход спасительная дыра
там же порог тяжелого разговора

небесполезный навык привычка глаз
уметь не видеть а то бы узнали
как помыслов чистота и угловая грязь
передают слепые свои сигналы

как резок и как же невыносим
взгляд отвести веки прикрыть засим

хоть и видна только что тьма ночная

засыпай легко
будто солги
некому помнить неотданные долги

лишь улыбка во сне
лишь судорога ножная

—
будет время
останусь быть на свои
единственный отпрыск фантомной семьи

будьте уверены папа и мама
как белое знамя
сорок лет я упрямо
несу и несу лицо

внутренний враг сжимает кольцо
в плен не намерен брать

жить нельзя умирать

—
то кашлянье гиенье
то головы гниенье

то труд канализационных труб
как мир жесток и груб

другое дело
когда болеет тело

высокий ум болезнь преодолагает
так это ум предполагает

но скупое словно кактус в декабре
цветет игла на серебре

как кончились слова
как боль жива

—

я хотел повелевать умами
пищу для ума производить

оказалось что к любимой маме
нету сил идти и приходить

и во время затяжной зимы

словно поперек подводной толще
ошибаться лучше бредить больше

слушайте и кушайте умы

—
только спокойно спокойно
пусть лучше покорно покойно

пусть ветерок
из под земли жуки

надень свитерок
не забудь шнурки

по небу гонит
яркие облака

полотном нержавеющейки
слепит вода

все что навеки
не навсегда

ЗОЛОТО

как легко приподнять человеку
настроение

скажи что он достиг
что у него получилось

скажи что его усилия
вдохновляют

обрати внимание

как легко человека обнадежить

скажи что не будет болеть
скажи что так заживает

скажи что вернется живым
и уже никуда не уйдет
не уставай повторять

смерть это ваше золото

утро

ясно до последнего угла
успокаивающая мгла не здесь

здесь есть свет и плотной пыли взвесь
но когда согласишься в сторону

пыль и свет неощутимы поровну

скрипка-табуретка

отвердела середина
и наполнились углы
укрепилась сердцевина
не вибрирует увы

древесину зря не мацай
не дави телесной массой
в табуретке нет струны
все подогнаны углы

нету музыки прекрасной
звук ленивый и неясный
знай лабай ее об пол
чтобы трещиной пошел

остается

остается неясное разное
отдается все нужное кровное
только просьба негласная
и дыхание ровное

и обратно пускай не прибавится
и пускай не вернется

ветер в комнату слепо врывается
темнота остается

—
из недоверия из сомнения
то и произрастает
за что не испросить извинения
что отвердеет и не растает

трудный ствол
тяжелым плодом зеленеет
а земля не обнажает недр

прости меня! нет
земля тебя не прощает
поверь мне! нет
земля доверия не имеет

—
о продолжателе линии мандельштама
не на шутку разволновалась мама

по улице машины с сиренами и огнями
тревожно от этого и страшно маме

мама в руки берет мобилу
в который раз звонит своему дебилу

а дебил занятой но это лишь означает
что в рабочее время мобилу свою отключает

мама в дебиле души не чаает
все ему наперед прощает

дозвонилась теперь тяжело отдыхает
иногда всплакнет иногда просто вздыхает

—

увидела
в улыбке расплылась
вся эта сырость
эта власть

что флаги
повисшие над головой
что возглас хоровой

на всех довольно влаги

времени возраст
за все отвечает

время пьет грудное
холодное молоко

в погремушку бьет
головой качает

—
все здесь есть
не надо ничего
беспокоиться не следует
на судьбу никто не сетует

но благодарит судьбу
что живет а не в гробу

поздно спросят будешь есть?
на ночь люди не обедают
только чай без рафинада
а прохладная подушка
ждет горячей головы

ничего теперь не надо

получилось так
увы

—
и все же имеет значение
свечение это вечернее
уснуть и увидеть во сне

здесь гуще
бледнее везде

но нету такого решения
чтоб зрению быть без лишения

а то что осталось
впилось в эту алость
в изнаночный цвет постоянный

остаточный свет окаянный

—
наконец пришло время года

время
это звучит гордо

внутри его что-то стонет
урчит

в глазах его
всякий себя уронит

не бойся, время тебя не тронет
настало легкое время

для тех кто в сторону смотрит
для тех кто молчит

An die Freude

вот радость
вот весна

едва началась она
а по ней тоска

долго ли быть ей
весной

потемнеет зеленый цвет
окажется золотым

но золоту справиться ли с сединой
но сладиться с пеплом ли седине

цвету придется ли
обратиться в прозрачный дым

—
намечается сгущение
видимости упрощение

слышимости белый шум
возвращается на ум

так даровано прощение
ослабляется тоска

птица прерывает пение
и не бьется у виска

щукины грезы

на далеком побережье
в дивной сказочной стране
щуки старой повеленье
исполняется везде

то прикажет вынос мозга
то чтоб мост из хрусталя
и не выполнить не можно
и слушаться нельзя

челюсть ейная вся ферум
словно шашки плавники
но подвластны высшим сферам
фибры щукиной души

любит русских портретистов
знает баха от и до
карася в зубах потискав
иногда не ест его

хочет истины без торга
чтобы людям хорошо
пусть бы уважали только
да чтоб помнили еще

с этой думою живою
чтобы всякий сыт да рад
в животе карась с плотвою
в пасти ржавчина и смрад

лес в апреле

хвоя
не уступившая холоду

вот лес

по оврагам пробирается
мелкий ветер

над красной грядой голых веток
луна

деревья держит за корни почва
вертляво себя продолжает тропа

ветку тревожит почка
в мягкой земле проваливается стопа

спящий на берегу океана

беспокойный с холодными пальцами
посягнувший на мир и на дом
засыпай под палящими пальмами
над волнующим взор полотном

и по крученой пыльной дороге
в человеческий круг не войди
сна беспмятства нету дороже
уязвимей во время войны

закаленная сталь океанная
потаенная и окаянная
и вздымающаяся грудная
клетка хрупкая костяная

—
жаловаться нужно
обязательно проговаривать
рот кипящей обидой обваривать

вот человек проговоривший
смотри

слазит кожа
лопнули волдыри

новая свежая

нежна
холодна
пригожа

—

занавешено окно
звуки не слышны извне
не проникнет сквозь него
ничего нигде

есть вопросы?
нет вопросов!

почему рассвет так розов?
почему белы заносы?

и в уверенную тьму
всё уходит почему?

—
чтобы дано прощение
было чтобы дана пощада
была

я согласен начать сначала
сначала еще не беда
хватит силы

посмотри как кожа бела
как ясен взор
как рука тверда

я начну все сначала
была бы опора верна

верная есть опора
воздух легко ходящий
отзвук едва звучащий
свет избежавший взора

ягода

известно все
скрывать нет смысла
опасно ягода повисла

как слепо
берет на веру
беспочвенную сферу

как-будто знает
что страх
что боль
что даже горе
все суть любовь

рубин ее прозрачный
окрашивает мир невзрачный
в кровавый цвет

а ей и дела нет

пора придет
то дождь прольется
то солнце воздух истончит

она сияет
она молчит

—
дождь прошел
пошел сильнее
небо синее синее
и земля земли черней

непроглядные черноты
глубоки земли щедроты
красных множество червей
разных множество камней

а в прозрачном синем небе
пусто как в старинном склепе
паутины облака
застоялая вода

—
как медленно катится
но это лишь кажется
на самом-то деле
легко и накатисто

а в сáмом-то теле
изъян за изъяном
но проще сужденья
и строже

нельзя нам
нельзя нам

нельзя нам и этого тоже

а можно зиянье
безмысленность
даже бессмысленность

а можно сиянье
прощанье
последняя детская
искренность

—
не сдержите обещания
слез тяжелых не сдержите
и для нового прощания
слов веселых не сдержите

быстро веселей прощается
чтобы тяжелей разлука
сын домой не возвращается
у него не получается

дочь домой не возвращается
в голове ее разруха
а и слушали вполуха
услыхали вам прощается

отпрыски семьи продление
позывные слепой памяти
не горение но тление
о шершавый воздух трение

—
воздух прогретый дрожащий
размывающий перспективу
жар воспаляющий сухое бревно
нет сомнения это оно

временное навсегда

как сгорая шипит бревно
как вторая птица первой
отвечает давно-давно
а первая не унимается иву-иву

как прозрачна твоя темнота
что лето ушло а осень уже начата

как смолчать ей
что жизнь едва началась
что она и так всему власть
цвета свернутого нищета

абрикос

вот и вернулись плоды
фото твои пришли
вот ты

в оторванном крае фото
главное
существо непонятного года
невнятное вещество

гладкое
пространство себя продолжает
за пределами фотографии
запахом абрикосным веянием

что таилось в заглавии
что растаяло
перед прикосновением

—
дерево горит через силу
чадит
волглая бумага дымится

ветер волокна обволакивает
щадит
вечер влажный не торопится
длится

угри лоснящихся звезд
луны полуоткрытый глаз
все это не всерьез
все это не сейчас

а что же тогда всерьез?
влажный ветер по коже мороз
на что это все похоже?

—
и на свою беду
все куда-то иду

а если кого завидую
тут же возненавижу

и чувство мое мало да крепко
как стальная скрепка

свернуто
скручено
наизусть заучено

попробуй выпрями или хоть пойми

я и сам не пойму
лишь чувствую

так существую

—
звук заземляется
телу уподобляется

кто зазевается
тот пропал

хорошо муравьям
и кротам

но листу как на дереве
и тому который опал

слышен звук
это в двери стук

не подходи
не говори
кто там

просто как звук
умри

—
скорый нелегкий снег
как старческий смех

и не смех
смешок

вот тела мешок
вот снега сугроб

чем одарили с неба
что уместилось в гроб

—

вот окно
из окна
видна стена

рыжий кирпич
лестница к крыше

серое
влажное
выше

—
духота повисла
это еще повезло

вентилятор выдувает
стекло

воздух
влажный горячий

во сне дом родной
горящий

извне
потом покрытое тело

изрытое оспой лицо
телесный жирок
щек молодое мясо
плеч бледный сырок

старить всё это срок
прошло время мяться

—

что зерней зерна
что сыра что сырей
то еда едва
ешь ее скорей

ешь ее грызи
так нежна еда
так легка вблизи
вдалеке страшна

сыра сын и дочь
да колбасный сын
упокоя даждь
а питье пусть дождь

—

постигаемая
непостижимая
жизнь моя
неудерживаемая ничем

облака с днищем
с зеленым пробелом зачем?

песня зачем
с повторяющимся припевом?

в первом случае грустном
во втором с нескончаемым грузным

МОЛОКО

пенка молочная
божественная тверда
грызть ее словно она еда
пить ее словно она вода
а она не глотается

камерная стачивается среда
каменная просачивается вода
все уйдет
а вода останется

что же с ней остается
и останется навсегда?
приосанится кто?
кто давлению не сдастся?

—

выжимки жизни

на воздвиженке
угол дегтярной

сугробы нависающие
на кровлях

сукровица из носа
от холода не укрыться

снег стелет мягко

холодно
но не так чтобы

больно
но как на душе легко

—

николай нидворай
главное не хворай
не болей

плавное течение
вот все лечение

там
по стороне
белей

наш поворот
бери левой

там друзья
родня
ждут судного дня

там ждут николая
долгим отсутствием укоряя

что есть

хотелось как-нибудь так
но серость вокруг
какая-то серая белость

а надо бы чтобы вилось
чтобы яркое въелось
чтоб понеслось

а есть только серость
серость и злость

есть только злость

колыбельная

есть еще и такое
очень старое
если оле придет лукое
будет спать и дитя усталое

будет знать

а есть еще новое очень
как весна переходит в осень
как оземь ни бьется
осень багряная длится
вьется

как ни злится
а на подступах утешающая зима
успокаивающая
все навсегда решающая

—

есть пение даже в полене
контральто березы и льна
живого молчанья полезней
деревьев сухих голоса

когда запоет неживая кора
в дорогу назад собираться пора

лопух подорожник по краю у ней
ее прямоты деревянной верней
глухое звучание шага
пустые печаль и отвага

поет древесина молчат голоса
как сила бессильна а жизнь навсегда

как жизнь не всегда полоса
как невыносимо молчат голоса

—
дома укрепились в земле
корневыми сваями

кожа земли сходит слоями
корни сцепившиеся издревле

пропустят ли землю сквозь пальцы
затянутся ли под страту

где вы новые постояльцы
и вы ожидающие утрату
и вы над утратой рыдающие

всё

видел но не запомнил
очертания
отзвук голоса
запах хвои и снега

что это

ель в снегу
фигуры в роще

это всё

всё что вообще могу
всё что смогу вообще

сон

сухая разбуженная трава
под искристым снегом

сон как отравы
главное не привыкать

будет снегу искриться
будет траве желтеть
главное потерпеть

холоду в щелях петь

смолоду главное
не соблазниться

КИМЧИ

я в детстве не знал про кимчи
я был посетитель детсада
и каши холодной комки
что пытка маркиза де сада

но в песне любой наступает реприза
из здесь хоть кричи хоть молчи

я выучил все про кимчи
я выучил сверху до низа
их острый пронзительный хруст
их мокрый простительный хлюп
и пламя струится из уст

я взрослый
я понял что взрослый
и белому свету не люб

я понял что белый свет грозный
и понял что это серьезно
но плакал как взрослый

бесслезно

—

где-то так далеко
что отсюда не видно

на лугу коровы
пасутся невинно

пейте дети
что вам налито

и ложитесь уже
где вам нарыто
где постелено

спите дети
не все потеряно

—

здесь есть такого человека?

здесь нет такого человека

здесь съесть любого человека

здесь весь есть человек как есть

и нет его

но клен у входа как свидетель

как деятель скорее он

чтоб хоть бы человек был клен

и чтобы он стоял у входа

ему не достает упорства

ему дается очень просто

и забирается несложно

и нет его

и быть не можно

здесь нет такого человека

любого нет здесь человека

но дерево

а вот оно

Содержание

«я ожидал неинтересного»	1	«ягода»	27
«МОЛОДОСТЬ»	2	«дождь прошел»	28
«это я»	3	«как медленно катится»	29
«ночью»	4	«не сдержите обещания»	30
«будет время»	5	«воздух прогретый дрожащий»	31
«то кашлянье гиенье»	6	«абрикос»	32
«я хотел повелевать умами»	7	«дерево горит через силу»	33
«только спокойно»	8	«и на свою беду»	34
золото	9	«звук заземляется»	35
утро	10	«скорый нелегкий снег»	36
скрипка-табуретка	11	«вот окно»	37
«остается»	12	«духота повисла»	38
«из недоверия из сомнения»	13	«что зерней зерна»	39
«о продолжателе линии мандельштама»	14	«постигаемая»	40
«увидела»	15	«молоко»	41
«все здесь есть»	16	«выжимки жизни»	42
«и все же имеет значение»	17	«никтолай нидворай»	43
«наконец пришло время года»	18	что есть	44
An Die Freude	19	колыбельная	45
«намечается сгущение»	20	«есть пение даже в полене»	46
«щукины грезы»	21	«дома укрепились в земле»	47
«лес в апреле»	22	всё	48
«спящий на берегу океана»	23	сон	49
«жаловаться нужно»	24	кимчи	50
«занавешено окно»	25	«где-то так далеко»	51
«чтобы дано прощение»	26	клен	52